

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Яковлев, Л.М. Фрейнкман, А.В. Золотов

**СЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ
В РОССИИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ,
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ВЛИЯНИЕ
НА ВЫРАБОТКУ ПОЛИТИКИ**

Препринт WP1/2015/03

Серия WP1

Институциональные проблемы
российской экономики

Москва
2015

УДК 338-028.45

ББК 65в6

Я47

Редактор серии WP1

«Институциональные проблемы российской экономики»

А.А. Яковлев

Яковлев, А. А., Фрейнкман, Л. М., Золотов, А. В.

Я47

Сектор экономической аналитики в России: этапы развития, текущее состояние, влияние на выработку политики [Текст] : препринт WP1/2015/03 / А. А. Яковлев, Л. М. Фрейнкман, А. В. Золотов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP1 «Институциональные проблемы российской экономики»). – 40 с. – 150 экз.

В статье проанализировано современное состояние сектора экономической аналитики в России. Рассмотрены основные этапы развития сектора и ключевые факторы, определявшие его характер. Показано, что сектор экономической аналитики в РФ достиг высокой степени зрелости, но в то же время он сталкивается с серьезными проблемами, ограничивающими его дальнейшее развитие. Подчеркивается, что в ситуации экономического кризиса объективно возрастает значимость независимой аналитики для разработки и обоснования принимаемых экономических решений. Однако потенциал сектора может быть эффективно использован только при изменении структуры спроса – за счет появления новых агентов, заинтересованных в качественных аналитических исследованиях и разработках. Для поддержания профессиональных стандартов и продвижения качественной аналитики также важны коллективные действия самих аналитических центров. Статья опирается на результаты проведенных в 2012 и 2015 гг. опросов аналитических центров и материалы интервью с их руководителями.

УДК 338-028.45

ББК 65в6

Яковлев А.А. – директор Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ, вице-президент Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА).

Фрейнкман Л.М. – ведущий научный сотрудник ИАПР НИУ ВШЭ.

Золотов А.В. – исполнительный директор АНЦЭА, руководитель отдела прикладных исследований Института национальных проектов.

Данная работа основана на результатах исследований, проведенных при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012–2015 гг. Авторы признательны В.В. Голиковой и И.В. Мерсияновой за участие в разработке инструментария и помощь в проведении обследования 2012–2013 гг., А.Ю. Зудину за участие в анализе данных качественных интервью, М. Добровскому за информацию о деятельности аналитических центров в Восточной Европе, а также Д.С. Иванову за расчет объема аналитических НИР и НИОКР. Очень полезным для авторов было обсуждение предшествующей версии статьи с Л.И. Якобсоном, Л.И. Полищукон, Е.Т. Гурвичем, А.А. Аузаном, В.Б. Беневоленским. Авторы также признательны анонимному рецензенту за высказанные замечания. Отдельная благодарность всем респондентам, принявшим участие в двух проведенных опросах.

Препринты Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Яковлев А. А., 2015

© Фрейнкман Л. М., 2015

© Золотов А. В., 2015

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

1. Введение

События последних двух лет – начиная с противостояния с Западом в кризисе на Украине и заканчивая падением цен на нефть, девальвацией рубля и убийством Бориса Немцова – привели к резко возросшей неопределенности экономической политики и доминированию негативных ожиданий в настроениях экономических агентов, которые принимают решения об инвестициях и развитии бизнеса. При этом усиливается ощущение, что предпринимаемые властью крайне противоречивые действия не только не способны изменить ожидания инвесторов, но сами по себе ведут к дезорганизации системы управления и все более неэффективному расходованию накопленных резервов.

Отсутствие у власти внятной модели развития и соответствующей ей экономической политики – характерная особенность нынешнего кризиса. Это делает текущий кризис не только экономическим, но и идеологическим, и дополнительно осложняет поиск выходов из него. Стандартные рецепты и копирование чужого опыта (чем Россия занимались двадцать лет – беря пример сначала с обобщенной Западной Европы, а потом – с Южной Кореи 1960–1970-х годов) не дали в российских условиях желаемых результатов. Разработка новой модели/идеологии экономического развития, которая могла бы получить поддержку большинства элитных групп, снова стоит в повестке дня. При этом опыт тех развивающихся стран, которые в недавнем прошлом смогли совершить рывок в своем развитии (начиная с Южной Кореи и заканчивая Китаем), показывает, что такой рывок всегда опирался на нестандартные для своего времени институциональные решения, в явном виде учитывающие местную специфику.

Собственный российский опыт 1998–1999 гг., когда страна относительно безболезненно смогла выйти из серьезного экономического и политического кризиса, в свою очередь свидетельствует, что такие нестандартные адекватные решения могут возникнуть как результат тесного взаимодействия и эффективного диалога власти с ключевыми экономическими агентами. Благодаря учету интересов основных «действующих лиц», подобный диалог повышает адекватность принимаемых решений и облегчает их практическую реализацию. Один из примеров такого рода –

успешная реализация налоговой реформы 2001–2002 гг., которая прошла до выстраивания полноценной «вертикали власти», при сохранении политического влияния губернаторов и олигархов и при наличии реального многопартийного парламента.

Однако при всей важности вовлечения основных экономических агентов в процесс выработки контуров новой модели экономического развития не менее значимым является вопрос об экспертном сопровождении этого процесса и о качестве экспертного сообщества, работающего в сфере экономической политики. Нам представляется, что от нынешнего состояния экспертной инфраструктуры страны, ее способности содействовать взаимодействию между элитными группами во многом зависят успех такого диалога и перспективы появления адекватных прагматических решений, стимулирующих экономическое и социальное развитие страны. Этим определяется актуальность темы данной статьи, в которой проанализировано современное состояние сектора экономической аналитики в России.

Данная статья содержит обзор основных тенденций в развитии в России независимых аналитических центров в сфере экономической политики. При этом мы фокусируемся на центрах, применяющих в своей деятельности современные методы экономического анализа и в силу этого сравнимых с зарубежными аналогами. Мы выделяем основные проблемы, с которыми они сталкиваются, и показываем, что для эффективного использования потенциала данного сектора важно появление спроса на качественную аналитику со стороны разных групп интересов (включая не только федеральное правительство, но также бизнес и региональные власти). Другой механизм развития российского сектора аналитики связан с укреплением его саморегулирования на основе механизмов коллективных действий. Поэтому особое внимание в работе посвящено анализу деятельности Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) – как ключевому объединению в данном секторе.

В эмпирической части статья опирается на данные двух опросов руководителей аналитических центров, проведенных совместно НИУ ВШЭ и АНЦЭА. Первый охватил 46 аналитических центров (38 из них были участниками АНЦЭА, кроме этого в выборку были включены восемь известных центров, не входящих в АНЦЭА) в конце 2012 г. – начале 2013 г. Повторный опрос по сокращенной выборке (26 центров – участников АНЦЭА) был проведен в начале 2015 г. Также важным источником ин-

формации стали 12 углубленных интервью с руководителями ряда центров и известными экспертами.

Структура статьи выглядит следующим образом. Во втором разделе мы выделяем основные этапы в развитии сектора экономической аналитики России за период с начала рыночных реформ и рассматриваем ключевые факторы, определявшие характер этого развития на разных этапах. В третьем разделе на базе опросных данных нами обсуждаются основные проблемы в деятельности аналитических центров, а также межгрупповые различия, складывающиеся в секторе. В четвертом разделе представлены основные характеристики деятельности АНЦЭА, в частности, опыт этой ассоциации по реализации коллективных проектов. В заключительном разделе представлены основные выводы.

2. Основные этапы в развитии сектора независимой экономической аналитики в России

Необычно быстрый (взрывообразный) рост числа новых независимых аналитических центров (*think tanks* – АЦ) является достаточно общей характеристикой стран Центральной и Восточной Европы, переживших в конце прошлого века переход от социализма к рыночной экономике. По оценкам Freedom House, к 1999 г., т.е. всего через десять лет после начала рыночных преобразований, в регионе действовало около 140 подобных организаций [Sandle, 2004]. Основные причины столь быстрого роста АЦ могут быть обобщены следующим образом:

- *Наличие значительной вакантной институциональной ниши в сфере рекомендаций по проведению экономической политики в период рыночных реформ.* Традиционные исследовательские центры в социалистических странах, как правило, были излишне академичны и оторваны от потребностей практики. Кроме того, в них очень заметным был недостаток знаний о функционировании рыночной экономики и адекватной ей экономической политики. Одновременно во многих странах новые политические лидеры испытывали недоверие к руководителям традиционной науки, являвшимся частью коммунистического истеблишмента [Krastev, 2000].
- *Сложность задач переходного периода.* В ходе проведения рыночных преобразований естественным образом возник значительный объ-

ем спроса со стороны правительств на внешнюю экспертизу. Это было особенно заметно с учетом недостатка бюджетного финансирования на проведение экспертизы силами правительственных подразделений [Avramov, 2007]. Спрос в значительной степени удовлетворялся за счет программ международных организаций, в рамках которых было организовано сотрудничество западных и местных экспертов. Такое сотрудничество вскоре стало оформляться институционально в виде новых местных организаций, в частности из-за того, что взаимодействие с местными экспертами доказало свою эффективность в ситуациях, когда требовалась локализация (привязка к местным условиям) стандартных рыночных рекомендаций.

- *Изменение структуры финансирования.* Сокращение традиционного бюджетного финансирования в академических институтах и университетах стимулировало переход многих ведущих исследователей в новые независимые организации, для которых появилось значительное финансирование из внешних источников (совместные программы с международными организациями).

- *Дифференциация в рамках вновь возникших политических и идеологических различий.* Формирование новых групп интересов и обострение политической конкуренции в первый период реформ привело к формированию новых, более сегментированных запросов на экономическую экспертизу, связанных с необходимостью проработки альтернативных вариантов политических решений в соответствии с различиями в предпочтениях отдельных социальных групп.

Возникновение аналитических центров в России было во многом похоже на процесс формирования АЦ в Восточной Европе, поскольку происходило под воздействием тех же основных факторов. Центральным драйвером этого процесса была объективная потребность в адаптации и локализации выводов современной экономической науки для нужд рыночных преобразований с учетом конкретных местных условий. Эффективное сопровождение реформ было невозможно без глубокого понимания местных реалий, что формировало спрос на возникновение местных команд, знающих современную теорию и владеющих соответствующими аналитическими методами. Такие новые команды появляются повсеместно в постсоциалистических странах в период реформ [Stone, 1996]. Россия в этом отношении не исключение. Даже в Китае заметны многие элементы сходного процесса формирования сектора новой аналитики [Shai, 2004; Abb, 2013].

Применительно к России наш анализ, основанный в первую очередь на материалах углубленных интервью с руководителями ряда ведущих АЦ, позволил нарисовать своего рода «портрет» успешного российского аналитического центра и выделить основные факторы достижения успеха на этом специфическом рынке.

Анализ подтвердил, что во всех случаях у истоков создания успешных российских АЦ стояли сильные команды экспертов. Как правило, эти команды вырастали из конкретных аналитических проектов, реализуемых в течение 1990-х годов. Стоит напомнить, что 1990-е годы были периодом адаптации – как содержательной, так и организационной – общественных наук в их «советском» исполнении к реалиям быстро трансформирующихся экономики и общества. Имевшиеся в наличии научные «мощности» были ориентированы на решение проблем совсем другого типа. Вместе с тем в ситуации общего значительного отставания советских общественных наук «традиционные» научные институты в массе своей не могли удовлетворить сильно изменившийся спрос на качественные разработки. На этом фоне уже в начале 1990-х годов происходило выделение из сложившейся научной среды наиболее активных и «продвинутых» коллективов, ранее других сумевших адаптироваться к новым условиям и в том числе выстроить долгосрочные партнерские отношения с ведущими западными исследователями. При этом стоит отметить, что «корни» многих таких самосформировавшихся коллективов уходят в предыдущий опыт совместной работы их членов в наиболее известных советских «мозговых центрах», представленных в основном институтами Госплана и Академии наук СССР.

По моменту своего образования российские аналитические центры можно условно разделить на две волны или два поколения организаций. Первое поколение представлено старыми центрами, возникшими еще в начале 1990-х (Гайдаровский институт, Леонтьевский центр), второе поколение включает центры, созданные на рубеже «нулевых» годов. Важной особенностью периода становления сектора АЦ в России являлось то, что в условиях острого бюджетного дефицита большинство крупных аналитических проектов реализовывалось в рамках международных программ TACIS, Всемирного банка, USAID и т.п. Этими проектами изначально руководили западные эксперты, а российские участники играли в них подчиненную роль. Но к концу 1990-х благодаря участию в таких совместных проектах российские эксперты приобрели необходимые навыки и квалификацию и стали претендовать на руководство самостоя-

тельными аналитическими проектами. Именно эти успешные «проектные команды» (точнее – российские группы в международных проектных командах) в дальнейшем на рубеже 1990–2000-х стали основой для возникновения целого ряда известных сегодня аналитических центров – таких как Экономическая экспертная группа, ЦМАКП, Центр развития, ЦЭФИР¹.

Помимо сильной исходной «команды экспертов» для большинства успешных центров на старте их деятельности также было характерно либо наличие «длинного» гранта, либо крупного («ключевого») заказчика. Например, ЦЭФИР в период своего формирования получил пятилетний грант от шведского правительства с финансированием в размере около 1 млн долл. в год, а деятельность Центра развития в первые годы поддерживалась консорциумом российских банков. Наличие значительного стабильного стартового финансирования давало возможность новым центрам «встать на ноги», закрепиться на рынке и получить признание заказчиков уже не как группа индивидуальных экспертов, а в качестве новой организации.

Однако сочетание вышеназванных двух факторов (сильные эксперты и стартовое финансирование) не являлось однозначной гарантией успеха – команда, получившая «стартовый толчок», должна была суметь проявить себя в новом качестве и подтвердить свои компетенции. Это происходило не всегда. Один из примеров сравнительной неудачи – Институт региональной политики, который успешно стартовал в 2004 г. при финансовой и политической поддержке со стороны структур, контролировавшихся А. Хлопониним, однако позднее утратил свои позиции. Одной из причин этого можно было считать изначальное отсутствие явного «кадрового ядра» и нестабильность экспертной команды ИРП.

Стратегии дальнейшего развития центров, безусловно, зависели от амбиций их лидеров. Но в значительной степени они также предопределялись общими изменениями в структуре спроса и предложения на рынке аналитических услуг. В 1990-е годы для всего аналитического сектора России был характерен острый дефицит навыков и компетенций. Одновременно не только отсутствовало сколько-нибудь заметное российское финансирование аналитических разработок, но и практически

---

¹ Этот процесс развивался аналогично тому, что наблюдалось несколько ранее в странах Восточной Европы, в которых типичной формой возникновения новых АЦ была институционализация местных групп поддержки западных экспертов, нанятых донорами в первые годы реформ [Stone, 1996].

не было компетентных заказчиков на стороне правительства и бизнеса. Соответственно спрос на аналитику в сфере экономической политики в этот период не только поддерживался за счет международного финансирования, но и формулировался во многом западными экспертами.

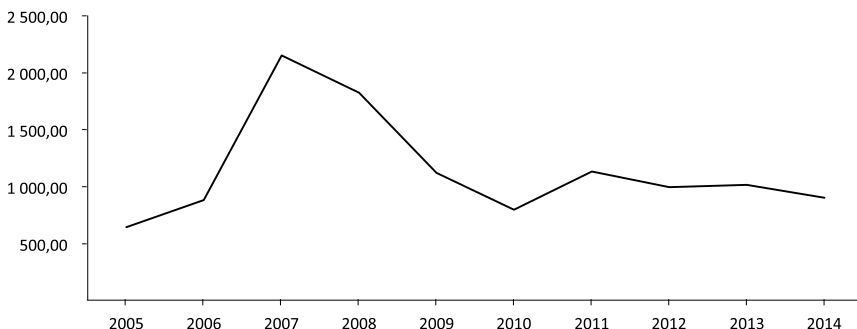
К началу 2000-х годов ситуация изменилась. С одной стороны, как уже говорилось, сформировался ряд сильных российских команд, способных выполнять проекты самостоятельно. С другой стороны, началась «диверсификация спроса». На рынке по-прежнему активно присутствовали западные доноры, но стали появляться госзаказы (в формате увеличения финансирования НИР и НИОКР). Правительство заявило, что ему нужна серьезная аналитика, причем такая, которая бы эффективно учитывала российскую специфику. Одновременно крупный бизнес тоже стал предъявлять спрос на идеи и финансировать производство аналитических материалов. Причем речь шла отнюдь не только о проектах компании ЮКОС («Открытая Россия»), Школа публичной политики, Федерация интернет-образования и т.д.). Клуб-2015 поддерживал в этот период проекты ИНП «Общественный договор» (с 2012 г. – Институт национальных проектов), структуры О. Дерипаски инициировали создание Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), Институт финансовых исследований был учрежден А. Вавиловым, и, как уже говорилось выше, консорциум российских банков поддержал деятельность Центра развития.

Подобное разнообразие источников финансирования было связано с сохранявшейся в тот период в России неопределенностью в выборе путей экономического развития, а также с самостоятельной ролью бизнеса. Следствием этого был «спрос на идеи» со стороны разных групп интересов, участвовавших в публичной политике. Данная ситуация объективно предоставляла возникавшим аналитическим центрам большую свободу действий и повышала степень их независимости. Эта формирующаяся множественность потенциальных заказчиков и возникшая «конкуренция за идеи» сыграли важную роль в становлении аналитического сектора в России в начале 2000-х годов.

Однако с середины 2000-х годов на рынке экономической аналитики стала проявляться обратная тенденция, связанная с концентрацией спроса на одном заказчике в лице федерального правительства. Эта тенденция, безусловно, была связана с изменением политической ситуации, включая «дело ЮКОСа» и встраивание губернаторов в «вертикаль власти» (с перераспределением налоговых доходов в пользу федерального

центра и переходом к назначению губернаторов, что резко сократило соответствующий «спрос на идеи» со стороны региональных властей). Пространство для политической конкуренции резко сжалось, и основной спрос на аналитические услуги стал предъявляться федеральным правительством.

Одновременно началось сворачивание зарубежных программ – причем даже не в силу каких-то специфически российских политических факторов. Благодаря экономическому росту в начале прошлого десятилетия Россия очень быстро перешла в категорию стран со средним уровнем доходов, и международные доноры в соответствии с их собственными мандатами должны были резко уменьшить масштабы своих российских грантовых программ. Эти процессы сокращения финансирования со стороны бизнеса и зарубежных организаций сопровождались заметным ростом расходов на НИР и НИОКР со стороны федеральных ведомств (рис. 1).

Рис. 1. Расходы федерального бюджета на НИОКР экспертно-аналитического характера, млн руб.

Источник: Рассчитано Д.С. Ивановым по данным о федеральных конкурсных НИОКР экспертно-аналитического характера в 2005–2014 гг., млн руб. Учитывались расходы на НИОКР (включая госконтракты и ФЦП, но без сметного финансирования НИР в бюджетных учреждениях – в текущих ценах без корректировки на инфляцию) по следующим заказчикам: Минэкономразвития, Минфин, Управление делами Президента РФ, Минсоцзащиты/Минздравсоцразвития, Минобрнауки (Рособразование), Минрегионразвития, ФАС, ФСТ, ФНС, Росимущество, Росстат. Данные по Минпромторгу и Роснауке не учитывались, так как не представлялось возможным выделить экспертно-аналитические НИР из общего объема технологических и фундаментальных НИОКР, финансируемых этими ведомствами. В данные за 2011 г. включены НИР на 152,2 млн руб. по заказам РАНХиГС.

Соответствующие цифры на графике приведены начиная с 2005 г., поскольку в ходе административной реформы 2004 г. существенно изменился состав федеральных ведомств и сбор сопоставимых данных за более ранний период был проблематичен. Тем не менее, по нашим оценкам, суммарное федеральное финансирование на эти цели за период 2000–2007 гг. в текущих ценах увеличилось не менее чем в 8 раз. В результате ко второй половине 2000-х федеральные власти превратились в главного заказчика продукции аналитических центров.

Реакцией на эту концентрацию спроса со стороны аналитического сектора стала тенденция к концентрации предложения. Эта тенденция также соответствовала устремлениям и амбициям руководителей нескольких крупных аналитических центров, стремившихся стать «лидерами» национального рынка экономической экспертизы и капитализировать свои исторически имевшиеся конкурентные преимущества. Как показало дальнейшее развитие событий, на эту роль реально выдвинулись две структуры – Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) и Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), тесно взаимодействующая с Институтом экономической политики им. Е.Т. Гайдара (ИЭП). Обладая значительным экспертным потенциалом, они стали получать все большую долю правительственных заказов. Одновременно лидеры рынка стали активно интегрировать в свой состав отдельных известных экспертов и целые команды².

Масштаб деятельности этих двух крупнейших центров, по сути, привел к переходу их в «новое качество» – когда по ряду направлений они стали доминирующими поставщиками экспертизы и аналитики в стране и в результате «главный заказчик» до известной степени не мог позволить себе отказаться от их услуг. Однако с точки зрения развития сектора в целом концентрация спроса и ставшее реакцией на нее появление двух доминирующих центров объективно сжимали пространство для конкуренции.

Для уже сложившихся сильных команд, создавших ранее свои аналитические центры, эти тенденции поначалу не создавали серьезных угроз, поскольку концентрация спроса вплоть до 2008 г. сопровождалась общим ростом финансирования НИР и НИОКР на федеральном уровне. Однако этот бурный рост федерального спроса происходил в условиях

---

² Как отмечается в работе [Сунгуров и др., 2012], аналогичный процесс консолидации наблюдался в этот период и в других секторах российской аналитики, в частности – в сфере политического анализа.

действия формальных процедур закона о госзакупках 94-ФЗ, который отвергал использование критериев квалификации и предшествующего опыта. В сегменте АЦ, не имевших сложившейся репутации, сочетание этих факторов на фоне отсутствия публичного доступа к результатам соответствующих аналитических проектов привело к серьезным искажениям в мотивации участников рынка и, в частности, к заметному распространению плагиата и открытой коррупции. Одним из проявлений этой тенденции также стало появление новых «аналитических организаций», активно выполнявших НИР и НИОКР для определенных госзаказчиков и не замеченных при этом в производстве каких-либо публичных аналитических продуктов.

Более мощные центры, уже заработавшие к этому периоду профессиональную репутацию, ориентирующиеся на высокие этические стандарты и способные выходить на «первых лиц» в федеральных ведомствах, могли позволить себе быть выше подобных «схем». Для таких центров в этот период можно выделить две основные стратегии развития:

- *Сохранение ориентации на «ключевого заказчика».* Один из примеров такой стратегии – Экономическая экспертная группа, работающая, главным образом, с Министерством финансов РФ. Такая стратегия привлекательна низкими издержками взаимодействия с заказчиком и возможностью сконцентрироваться на содержательных вопросах. Гарантией добросовестности центров, следующих этой стратегии, является высокая публичность их деятельности с регулярным представлением их аналитических продуктов для широкой аудитории. Данная стратегия, однако, очевидным образом связана с рисками и может приводить к проблемам, если на стороне ключевого заказчика происходят существенные персональные или политические изменения.
- *Выход на принципиально новые рынки.* Эта стратегия реализовывалась в достаточно разнообразных вариантах. Так, ЦЭФИР, наряду с выполнением проектов для российских ведомств и частных компаний, стал участвовать в международных тендерах, проводимых Всемирным банком, Еврокомиссией и т.д. ИНП «Общественный договор» успешно вышел со своими разработками на постсоветское пространство и реализовал ряд проектов в Казахстане и Азербайджане. Леонтьевский центр, НИСИПП и ряд других АЦ начали более активно работать по заказам региональных администраций.

Кризис 2008–2009 гг. привел к ужесточению бюджетных ограничений для федерального правительства и, как следствие, к абсолютному сокращению объемов аналитических НИР и НИОКР (что хорошо видно на рис. 1). В посткризисный период суммарный объем федеральных заказов на такие работы сократился почти в 3 раза – с 2,15 млрд руб. в 2007 г. до 0,8 млрд руб. в 2010 г. Причем сжатие спроса сильнее ударило по малым центрам.

В 2011 г. произошло некоторое увеличение бюджетов, но этот прирост в основном был связан с выделением финансирования на разработку новой версии Стратегии социально-экономического развития России до 2020 г. (Стратегии-2020), которое распределялось через НИУ ВШЭ и РАНХиГС. Это привело к дальнейшему закреплению их позиций как «лидеров рынка». Ситуация дополнительно обострилась в связи с введением в действие закона об «иностранных агентах» (Закон 121-ФЗ от 20 июля 2012 г.), сделавшего, как становится ясным по прошествии времени, практически невозможным привлечение зарубежного финансирования, что в разной степени затронуло всех участников рынка. В этом контексте можно говорить о фактическом появлении новой стратегии «интеграции с лидерами», когда ряд сильных ранее независимых центров предпочел перейти в статус структурных подразделений НИУ ВШЭ или РАНХиГС.

В целом, на наш взгляд, к концу прошлого десятилетия российский сектор экономической аналитики достиг стадии зрелости. На фоне превращения федерального правительства в главного заказчика аналитических разработок в сфере экономической политики сформировалась своеобразная «трехуровневая» структура рынка. НИУ ВШЭ и РАНХиГС (в консорциуме с ИЭП им. Гайдара) выступали как ключевые аналитические центры, на регулярной основе обеспечивающие правительство аналитическими разработками по широкому кругу вопросов (включая вопросы макроэкономики, социальной политики, промышленной политики, регулирования отраслей бюджетного сектора, государственного управления и т.д.). В этих организациях на постоянной основе работало несколько сотен экспертов-аналитиков, десятки из которых по праву можно было отнести к категории ключевых экспертов. На втором уровне находились примерно 15–20 крупных независимых центров, завоевавших репутацию в определенных сферах экономического анализа (ЭЭГ, ЦМАКП, НИСП, ЦЭФИР, МАЦ, Центр фискальной политики, ИЭГ, Леонтьевский центр, ИНП «Общественный договор», НИСИПП и дру-

гие). Их штат, как правило, насчитывал 20–30 экспертов, из которых 7–8 можно было отнести к ключевым. Все эти центры были активными участниками АНЦЭА, а их руководители в разное время входили в состав правления Ассоциации. Наконец, на третьем уровне находились несколько десятков более мелких центров, выполняющих отдельные НИР для федеральных ведомств или работающих с региональными администрациями.

Косвенным отражением роли НИУ ВШЭ, РАНХиГС и АНЦЭА на рынке экономической аналитики к концу 2000-х годов может быть подготовка в течение 2011 г. новой версии Стратегии-2020. Коллективную работу над этим документом (в которой активное участие приняли несколько сотен экспертов) в известном смысле можно считать «пиком» в развитии сектора экономической аналитики в России. Эта работа была организована в течение 2011 г. в рамках 21 экспертной группы, в каждой из которых было по два руководителя (см. <<http://2020strategy.ru/>>. В их числе было по 10 представителей НИУ ВШЭ и РАНХиГС / ИЭП, при этом шесть групп возглавляли эксперты, которые в разное время входили в состав правления АНЦЭА или являлись президентами Ассоциации (А. Аузан и Е. Гурвич). Хотя новая версия Стратегии-2020 не была утверждена в качестве официального документа правительства, она объективно до сих пор остается источником идей для преобразований в экономике и социальной сфере³. В целом сам факт организации и проведения в очень сжатые сроки подобной масштабной аналитической работы свидетельствует о высокой степени зрелости экспертного сообщества, работающего в сфере экономической политики.

Сформулированные выше тенденции и выводы в первую очередь опираются на анализ проведенных интервью с руководителями ведущих центров. В следующем разделе мы покажем, как они соотносятся с результатами формализованных опросов руководителей АЦ, проведенных по достаточно широкой (для данного сектора) и представительной выборке.

---

³ В качестве одного из примеров здесь можно привести пакет мер по улучшению делового климата, сформулированный с участием представителей бизнес-сообщества. В числе мер, изначально предложенных в рамках Стратегии-2020 (см. <http://www.mn.ru/newspaper_opinions/20110405/300868027.html и <http://www.mn.ru/politics/20110408/300925307.html>>) и реализованных в 2012–2013 гг. – введение поста уполномоченного по защите инвесторов, амнистия для предпринимателей, попавших под уголовное преследование, изменение механизмов оценки деятельности губернаторов с учетом динамики делового климата в регионе.

3. Динамика развития аналитических центров и основные проблемы, с которыми сталкиваются АЦ в период после кризиса 2008–2009 гг.

Как уже отмечалось ранее, наряду с качественными интервью мы имели возможность провести два опроса руководителей аналитических центров, работающих в сфере социально-экономического анализа. Первый из них охватил 46 аналитических центров, включая 38 членов и наблюдателей АНЦЭА, а также восемь известных центров, не входящих в АНЦЭА⁴. Основная часть обследования была проведена ООО «МаркетАп» в октябре – ноябре 2012 г. методом личного интервью – с добором части анкет в начале 2013 г. Опрос опирался на развернутый инструментарий, разработанный АНЦЭА при участии ИАПР ВШЭ и включавший около 100 вопросов, и был сфокусирован на тенденциях развития аналитических центров в 2011–2012 гг.⁵

Повторный опрос был проведен АНЦЭА в феврале 2015 г. по сокращенной анкете, в которую с небольшими модификациями были включены наиболее существенные вопросы, использованные в 2012 г. В данном опросе участвовали только центры АНЦЭА, всего было получено 26 заполненных анкет.

Поскольку в 2015 г. мы не опрашивали центры, не входившие в АНЦЭА, в дальнейшем анализе мы будем оперировать данными только по центрам, входившим в эту ассоциацию. Вместе с тем стоит отметить, что на сегодняшний день в АНЦЭА участвуют все ключевые центры, работающие в сфере прикладного экономического анализа, и в наших опросах в 2012–2013 гг. и 2015 г. участвовали соответственно около 70% и свыше 50% всех центров АНЦЭА. Поэтому мы полагаем, что приводимые ниже данные в достаточной степени могут характеризовать состояние и динамику развития сектора прикладной экономической аналитики.

---

⁴ Следует подчеркнуть, что часть из них занималась не только экономической аналитикой, но также политическим консалтингом и социологическими исследованиями и в этом смысле они не в полной мере сравнимы с центрами АНЦЭА. Основная идея включения таких центров в опрос 2012 г. была связана с тем, чтобы понять, как ведущие центры экономического анализа выглядят на фоне аналогичных структур в смежных областях.

⁵ Основные результаты этого опроса см. <<http://ecpol.ru/syuzhety/1108-o-sostoyanii-ekspertnogo-soobshchestva-i-ekspertizy-v-rossii.html>>.

Прежде чем переходить к анализу полученных данных, также следует подчеркнуть, что в АНЦЭА входят как крупные центры, так и небольшие аналитические структуры. При этом доля крупных центров в составе АНЦЭА объективно выше, чем в секторе в целом (данная ситуация типична для отраслевых ассоциаций, где обычно более активны крупные и средние фирмы). В связи с такого рода смещением в дальнейшем мы в основном рассматривали и сравнивали опросные данные отдельно для крупных и небольших центров. В качестве критерия разделения центров на «размерные группы» мы использовали такой показатель, как «число ключевых экспертов». Данный выбор определялся тем, что ключевые эксперты являются основным интеллектуальным ресурсом АЦ и определяют масштаб, сложность и разнообразие работ, на которые центр может претендовать в качестве исполнителя. В свою очередь объем заказов или общее число сотрудников, в нашем понимании, являются производными от экспертного потенциала организации. К категории «небольших» мы относили АЦ с пятью и менее ключевыми экспертами в штате, к категории «крупных» – центры, имеющие шесть и более ключевых экспертов. В опросе 2012–2013 гг. к категории крупных относились 22 из 38 центров, в опросе 2015 г. – 16 из 26.

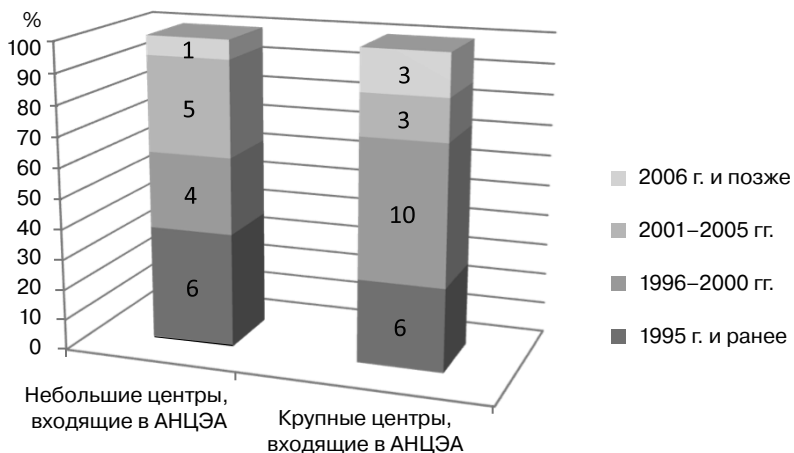
Рисунок 2 иллюстрирует «демографию» сектора экономической аналитики в РФ. Как видно по приведенным данным, большинство центров АНЦЭА (около 70%) были созданы до 2001 г. В последующие годы вход в сектор заметно сократился – в частности, после 2006 г. были созданы лишь четыре центра из 38 участвовавших в опросе 2012–2013 гг. Однако между крупными и небольшими центрами есть некоторые отличия. Если в первой группе выделяются организации, созданные в конце 1990-х годов, то среди небольших центров преобладают либо «ветераны», работающие с начала 1990-х, либо «новички», пришедшие в сектор на волне роста спроса на экономическую аналитику в начале 2000-х.

Поскольку спрос на экономическую аналитику в России сегодня предельно является в первую очередь федеральными властями, аналитический сектор в значительной мере оказывается сконцентрирован в столице. География обследования 2012–2013 гг. была представлена следующими городами: Москва и Московская область – 28 центров, Санкт-Петербург – 2 центра, Пермь – 2 центра, Барнаул, Владивосток, Екатеринбург, Новосибирск, Петрозаводск, Тамбов – по одному центру.

Для характеристики масштабов деятельности центров и их изменения во времени существенно понимание финансового положения АЦ.

В обоих обследованиях мы задавали ряд вопросов на эту тему. В частности, мы просили респондентов отнести себя к одной из групп по масштабам годового бюджета центра. Кроме этого, мы спрашивали об относительном изменении финансового положения их центров за последние два года и просили оценить, в какой мере имеющееся финансирование достаточно для развития их организации.

Рис. 2. Период создания аналитических центров (по данным опроса 2012–2013 гг.)

Как видно по данным табл. 1, по первому вопросу ряд респондентов отказался от ответа (особенно много их было в рамках первого, более широкого обследования). Тем не менее в целом видно, что в обоих случаях около половины крупных центров указывали годовой бюджет свыше 20 млн руб. и несколько реже относили себя к группе с бюджетом в 10–20 млн руб. Небольшие центры в 2012 г. присутствовали в основном в двух наименьших по размерам группах, а в 2014 г. – во второй и третьей группах. Но при этом следует отметить, что число респондентов в опросе 2015 г. сократилось, и мы можем предположить, что ряд небольших центров не участвовали в опросе просто из-за остановки своей деятельности.

Различия в положении крупных и небольших центров прослеживаются и в ответах на вопрос об изменении их финансового положения за последние два года. Если в группе крупных центров позитивных оценок больше, чем негативных, то для небольших центров характерен глубокий скепсис.

Таблица 1. Примерная величина годового бюджета аналитических центров

	На конец 2012 г.		На конец 2014 г.	
	Небольшие центры, входящие в АНЦЭА	Крупные центры, входящие в АНЦЭА	Небольшие центры, входящие в АНЦЭА	Крупные центры, входящие в АНЦЭА
До 1 млн руб.	5	1	1	1
От 1 млн до 10 млн руб.	3	4	4	3
От 10 млн до 20 млн руб.	2	5	3	3
От 20 млн руб.	2	8	1	8
Затрудняюсь ответить	4	4	1	1
Количество респондентов	16	22	10	16

Источник: Данные обследований аналитических центров, проведенных в конце 2012 г. – начале 2013 г. и в начале 2015 г. НИУ ВШЭ и АНЦЭА.

Таблица 2. Сравнительная динамика финансового положения центров за последние два года

	Финансовое положение Вашего центра в течение последних двух лет...	Небольшие центры	Крупные центры
В течение 2011–2012 гг.	Улучшилось	1	5
	Существенно не изменилось	9	14
	Ухудшилось	6	2
	Затрудняюсь ответить	–	1
	Кол-во респондентов	16	22
В течение 2013–2014 гг.	Улучшилось	1	6
	Существенно не изменилось	4	6
	Ухудшилось	5	3
	Затрудняюсь ответить	–	1
	Кол-во респондентов	10	16

Источник: Данные обследований аналитических центров, проведенных в конце 2012 г. – начале 2013 г. и в начале 2015 г. НИУ ВШЭ и АНЦЭА.

Эти же тенденции наблюдаются и в ответах на вопрос об изменении масштабов деятельности по отдельным направлениям (табл. 3). Если крупные центры в обоих опросах отмечали рост активности по всем на-

правлениям (за исключением издательской деятельности), то для небольших центров характерны сугубо негативные оценки – например, по общему числу проектов в этой группе соответствующие показатели составляли –19% в период 2011–2012 гг. и –30% в 2013–2014 гг.

Таблица 3. Балансовые оценки изменения масштабов деятельности центров (*)

Изменение масштаба...	2011–2012 гг.		2013–2014 гг.	
	Небольшие центры, %	Крупные центры, %	Небольшие центры, %	Крупные центры, %
• консультационной деятельности	–25	+33	–10	+44
• исследовательской и аналитической деятельности	–18	+50	–20	+25
• деятельности по сбору данных, мониторингам	–40	+38	–10%	+31
• образовательной деятельности	–11	+12	–10%	+19
• издательской деятельности	–33	0	+10%	0
Изменение числа...				
• публичных мероприятий (конференции, форумы, семинары)	–6	+14	–10	+13
• проектов в целом	–19	+18	–30	+50
• международных проектов	X	X	–10	–25

Источник: Данные обследований аналитических центров, проведенных в конце 2012 г. – начале 2013 г. и в начале 2015 г. НИУ ВШЭ и АНЦЭА. Балансовые оценки рассчитаны как разность между долей респондентов (в %), отметивших рост соответствующего показателя в рассматриваемом периоде, и долей респондентов, сообщивших о его снижении.

Однако несмотря на рост масштабов деятельности, среди представителей крупных центров также усиливаются скептические настроения. В частности, если в рамках первого опроса 10 из 22 респондентов в этой группе отмечали, что имеющегося финансирования им достаточно не только для поддержания текущей деятельности, но и для развития, то в 2015 г. таких было лишь 4 из 16.

Данные скептические настроения проявляются и в изменении оценок востребованности продукции аналитических центров (табл. 4). Если в 2012 г. половина крупных центров отмечала, что их выводы и рекомендации в значительной степени учитываются заказчиками, то в 2015 г. доля таких ответов заметно сократилась. Доминирующим стал ответ

«наши рекомендации учитываются в незначительной степени». Также стоит отметить, что если в опросе 2012 г. половина всех респондентов сообщила, что представители федеральных властей обращаются к ним за консультацией либо постоянно, либо на регулярной основе, то в 2015 г. доля таких ответов снизилась до трети, у пяти центров таких обращений вообще не было.

Таблица 4. Оценка востребованности продукции аналитических центров – участников АНЦЭА (распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой мере выводы и рекомендации центра учитываются органами власти?»)

	2012–2013 гг.		2015 г.	
	Небольшие	Крупные	Небольшие	Крупные
В значительной степени	4	11	2	6
В незначительной степени	10	8	6	9
Практически не учитываются	2	2	1	1
Не принимаются во внимание в принципе	–	–	1	–
Затрудняюсь ответить	–	1	–	–
Количество респондентов	16	22	10	16

Источник: Данные обследований аналитических центров, проведенных в конце 2012 г. – начале 2013 г. и в начале 2015 г. НИУ ВШЭ и АНЦЭА.

Характеризуя основные проблемы, с которыми сталкиваются аналитические центры (табл. 5), можно отметить, что для крупных центров три главные проблемы (важность которых мало изменилась со временем) – это недостаток финансирования для проведения серьезной аналитической работы, трудности доведения результатов своего анализа до лиц, принимающих решения, и недостаток квалифицированных сотрудников. На первый взгляд, жалобы крупных центров АНЦЭА на трудности с доступом к «первым лицам» кажутся неожиданными, так как именно эти центры очень активно участвовали в разработке Стратегии-2020, которая происходила в режиме достаточно интенсивного диалога с ключевыми фигурами в правительстве. На полученные ответы в данном случае, по нашему мнению, скорее повлияла неудовлетворенность респондентов сложившейся непоследовательной и несистемной практикой реализации их предложений.

Таблица 5. Сложности, с которыми сталкивается центр в настоящее время
(% от числа ответивших)

	Опрос 2012–2013 гг.		Опрос 2015 г.	
	Небольшие центры, %	Крупные центры, %	Небольшие центры, %	Крупные центры, %
Недостаток финансирования для проведения серьезной аналитической работы	81	43	60	50
Трудности доведения результатов своего анализа до лиц, принимающих решения	25	43	10	38
Недостаток квалифицированных сотрудников	19	38	40	44
Высокая текучесть сотрудников	19	0	10	6
Избыточное государственное регулирование (отчетность, проверки, согласования)	13	24	40	25
Недобросовестная конкуренция	19	24	30	6
Непрозрачность механизмов финансирования	X	X	10	6
Кол-во респондентов	16	21	10	16

Источник: Данные обследований аналитических центров, проведенных в конце 2012 г. – начале 2013 г. и в начале 2015 г. НИУ ВШЭ и АНЦЭА.

В части динамических изменений стоит подчеркнуть рост значимости дефицита квалифицированных кадров (в том числе и в группе небольших центров). Также больше стало жалоб на избыточность госрегулирования (особенно со стороны небольших центров). Вместе с тем наблюдается определенный прогресс в части сокращения недобросовестной конкуренции – если три года назад эту проблему отмечали восемь центров (в том числе пять крупных), то в 2015 г. ее упоминали лишь три небольших и один крупный АЦ.

Среди существенных изменений прошедших трех лет также стоит выделить сокращающееся международное сотрудничество российских АЦ. В обеих группах АЦ в период 2013–2014 гг. наблюдался отрицательный баланс оценок по количеству реализуемых международных проектов. В целом у половины небольших центров и почти у трети крупных АЦ на момент опроса 2015 г. не было ни одного международного про-

екта. Сокращение международных контактов, на наш взгляд, является весьма негативным индикатором, так как такие контакты чрезвычайно важны для повышения экспертного уровня любой аналитической организации. И они вдвойне важны для российских АЦ, которые во многих случаях институционально относительно молоды и многие сотрудники которых не получили базового экономического образования на уровне современных международных требований. Мы не связываем сокращение международных проектов АЦ с отсутствием в секторе спроса на такое сотрудничество, а объясняем это явление возникновением в стране в последние годы политических барьеров к международной кооперации, которые ограничивают возможности для устойчивого развития аналитического сектора и для повышения качества экспертизы.

В целом на основе данных двух опросов можно сделать вывод о разнонаправленных тенденциях для крупных и небольших центров. Если первые достаточно уверенно говорят о расширении масштабов своей деятельности, то перспективы для развития малых аналитических структур в целом выглядят достаточно неблагоприятными. По нашему мнению, эти тенденции отражают продолжающуюся консолидацию сектора – с укрупнением средних размеров его участников.

Вместе с тем для крупных центров текущая ситуация тоже не безоблачна. На фоне расширения масштабов активности большинству из них хватает ресурсов только для поддержания текущей деятельности. Также в сравнении с 2012–2013 гг. снизилась степень влияния крупных центров на выработку решений в сфере экономической политики – по мнению респондентов, их выводы и рекомендации, как правило, учитываются органами власти лишь в незначительной степени.

Еще один важный вывод связан со структурной неоднородностью аналитического сектора в географическом разрезе. Исторически основной заказ на новые идеи и аналитические разработки генерировался в Москве и в сочетании с унаследованным человеческим капиталом советских «мозговых трестов» это обстоятельство предопределяло концентрацию в столице большинства аналитических центров (и прежде всего крупных). И именно здесь – в столице – можно говорить о достаточной зрелости аналитического сектора. Однако проблема в том, что потребность в квалифицированной экспертизе объективно очень далека от насыщения – особенно на региональном уровне. В частности, в последние годы фокус усилий по проведению реформ и созданию условий для экономического развития (включая вопросы инвестиционного климата

и производства общественных благ, бюджетной сбалансированности, правильных стимулов в госаппарате и бюджетном секторе и т.д.) все более смещается в регионы.

Крупные центры реагируют на этот запрос – среди них в 2015 г. обращения от региональных властей постоянно или регулярно (2–3 раза в месяц) получали три центра, еще пять отмечали поступление таких обращений время от времени (3–5 раз в году). Однако среди небольших центров, которые в основном расположены за пределами Москвы, в 2015 г. большинство (7 из 10) сообщили о крайне редких обращениях от местных и региональных властей (1–2 в год) или вообще об их отсутствии. В нашем понимании эти данные отражают структурную диспропорцию в развитии сектора – даже там, где в регионах у органов власти есть спрос на новые разработки, у местных экспертов часто не хватает достаточной квалификации и навыков аналитической работы, а востребованные «столичные» эксперты отнюдь не всегда готовы взаимодействовать с регионами.

В нашем понимании те проблемы, с которыми сталкивается развитие сектора экономической аналитики в последние годы (включая распространение недобросовестных практик, снижение влияния на процессы выработки решений в сфере экономической политики, трудности воспроизводства кадрового потенциала) могут эффективно решаться только через согласованные коллективные действия его участников. И в этом смысле важным представляется опыт АНЦЭА, который мы рассмотрим в следующем разделе.

4. Ассоциация независимых центров экономического анализа (АНЦЭА): формирующий инструмент коллективных действий АЦ⁶

Ассоциация независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) была учреждена в октябре 2002 г. пятнадцатью аналитическими центрами. Декларированная цель деятельности АНЦЭА – содействие социально-экономическому развитию страны и росту общественного благосостоя-

---

⁶ При подготовке данного раздела использовались статьи первого и второго президентов АНЦЭА – Л.М. Григорьева [2004, 2005] и А.А. Аузана [2005].

ния посредством становления института независимых центров экономического анализа и развития профессионального сообщества. В числе основных задач Ассоциации – формирование и распространение стандартов деятельности независимых аналитических центров; содействие доступу общественности к разработкам организаций – членов АНЦЭА, развитие диалога аналитиков и общества.

Существенную роль в создании и становлении АНЦЭА сыграла Программа поддержки независимых экономических аналитических центров, которая с 1999 г. реализовывалась Московским общественным научным фондом (МОНФ). Основным элементом данной программы был ежегодный конкурс грантов на прикладные экономические исследования. Получателями грантов МОНФ могли быть независимые аналитические центры, работающие в сфере экономического анализа, либо группы («команды») экспертов, планирующие создать собственный центр. Гранты МОНФ, безусловно, не решали финансовых проблем аналитических центров (средние суммы грантов находились в диапазоне 0,8–1 млн руб.). Однако для аналитического рынка в этот период были характерны исключительно короткие сроки реализации текущих проектов (обычно от 1–2 до 5–6 месяцев). На этом фоне годовые гранты МОНФ воспринимались как «длинное финансирование» и позволяли центрам, не имевшим большого стартового гранта, поддерживать устойчивость своего функционирования. Также важным моментом было то, что в отличие от заказов ведомств или контрактов с международными организациями гранты МОНФ выделялись под проекты, заявленные самими центрами в рамках общих тематических приоритетов Фонда⁷. Такой подход позволял центрам развивать свой экспертный потенциал и создавать «заделы на будущее».

Особенностью формата программы МОНФ была ориентация на «институционализацию» аналитических центров. Первоначальную поддержку могла получить «команда экспертов», но одним из условий гранта МОНФ было создание этой командой самостоятельного юридического

---

⁷ Следует отметить, что наряду с основным конкурсом Программа МОНФ также проводила в интересах Минэкономразвития конкурсы так называемых «быстрых грантов» – как правило, они были сфокусированы на проблемах, актуальных для экономической политики, предусматривали более короткие сроки реализации (до 6 месяцев) и меньший объем финансирования (до 600 тыс. руб.). Эти конкурсы были важны как элемент долгосрочной стратегии, направленной на укрепление взаимодействия аналитического сообщества с правительством.

лица в ходе реализации соответствующего проекта. В дальнейшем далеко не все организации, созданные таким образом, оказались жизнеспособны. Тем не менее для целого ряда сильных экспертных групп (включая, например, команду ЦМАКП, исходно сформировавшуюся в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН) создание собственного независимого центра действительно стало качественно новым этапом в деятельности и открыло для них новые перспективы и возможности.

Еще одним важным элементом Программы МОНФ, способствовавшим укреплению горизонтальных связей между российскими аналитическими центрами и повышению качества их исследований и разработок, была организация взаимодействия с зарубежными «фабриками мысли». В частности, МОНФ провел несколько конференций в России и за рубежом, а также в 2002 г. инициировал специальную программу по поддержке кооперации между аналитическими центрами из России и стран Восточной Европы.

Следует подчеркнуть, что все ключевые решения в рамках Программы МОНФ принимались Советом данной программы, в который входили руководители ряда ведущих аналитических центров. МОНФ (в лице директоров Программы Л.И. Полищука и Л.И. Якобсона) также принимал непосредственное участие в модерировании переговорного процесса, предшествующего созданию АНЦЭА. В числе учредителей АНЦЭА выступили Институт национального проекта «Общественный договор», Институт экономической политики им. Гайдара, ЦМАКП, Центр развития, Экономическая экспертная группа, Леонтьевский центр, Независимый институт социальной политики, Центр экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР) и другие ведущие аналитические центры. Можно сказать, что первоначальный состав ассоциации возник из получателей грантов по Программе МОНФ. При этом деятельность Совета Программы показала возможности и выгоды от кооперации центров, а сама Программа в значительной мере взяла на себя стартовые издержки по поддержанию такой кооперации – через предоставление АНЦЭА специального «институционального гранта».

В первые годы своего существования деятельность АНЦЭА была направлена на развитие базовой «поддерживающей» инфраструктуры для своих членов: закупка статистической и аналитической информации, проведение совместных пресс-конференций, выпуск альманахов (включавших работы аналитических центров АНЦЭА по определенным темати-

ческим направлениям), а также работа по консолидации и расширению состава Ассоциации. В течение 2003–2005 гг. состав АНЦЭА существенно расширился – за счет вступления 14 новых членов и 23 наблюдателей. Столь заметный приток новых членов и наблюдателей предопределялся публичной активностью первого президента АНЦЭА Л.М. Григорьева, а также очень низким уровнем членских взносов (10 тыс. руб. в год).

Помимо действительных членов Устав АНЦЭА допускал участие в работе Ассоциации «наблюдателей» – аналитических центров, которые не являлись НКО, или же центров, которые были структурными подразделениями других юридических лиц. Такой формат способствовал усилению связей с университетами за счет вхождения в Ассоциацию в статусе наблюдателей университетских исследовательских центров.

Начиная с 2006 г. число центров – участников АНЦЭА стабилизировалось на уровне 50–54 организаций при сохранении примерно неизменных пропорций между членами и наблюдателями⁸. Это было связано как с тем, что в Ассоциацию уже вошли все основные заинтересованные аналитические центры, так и с постепенным повышением уровня членских взносов (в целях достижения финансовой самообеспеченности). При этом, по аналогии с некоторыми бизнес-ассоциациями, с 2011 г. была введена дифференцированная шкала взносов для центров с разными масштабами деятельности – 10 тыс. руб. в год для малых центров, 30 тыс. для средних и 50 тыс. для крупных.

С течением времени также менялся стиль управления Ассоциацией. Изначально в период Л.М. Григорьева для АНЦЭА была характерна более централизованная модель (с президентом как основным «спикером» Ассоциации). С приходом А. Аузана на позицию президента АНЦЭА возросла роль правления⁹. В него стали входить представители не только членов, но и наблюдателей АНЦЭА. Это более широкое вовлечение представителей центров в текущие дела Ассоциации способствовало появлению новых направлений ее деятельности.

---

⁸ За время существования Ассоциации из ее состава в общей сложности вышли 24 центра. Примерно в двух третях случаев причиной выхода была фактическая приостановка деятельности центра или его закрытие. В остальных случаях АЦ выходили из состава АНЦЭА по причине невозможности удовлетворить собственные интересы посредством членства в Ассоциации.

⁹ Правление избирается на ежегодной основе, в его состав входит девять членов, включая президента АНЦЭА.

Так, весной 2006 г. Е. Гурвичем и А. Аузаном был инициирован диспут-клуб «Узлы экономической политики» (<http://arett.ru/ru/disput/>), который с тех пор ежемесячно проводится на базе экономического факультета МГУ. Диспут-клуб играет важную роль как публичная площадка для профессиональных дискуссий, доступная для широкой заинтересованной аудитории. Другой профессиональной площадкой являются проводимые в начале осени ежегодные конференции АНЦЭА, на которых участники Ассоциации представляют свое видение ключевых проблем экономического развития страны.

Еще одним знаковым коллективным проектом АНЦЭА является «Университетский проект» (<http://arett.ru/ru/univers/>), запущенный в 2007 г. при финансовой поддержке Оксфордского российского фонда. В рамках «Университетского проекта» студенты ведущих экономических вузов могли пройти стажировку в исследовательских центрах Ассоциации. Проект был направлен на сокращение существующего разрыва между содержанием российского базового экономического образования и требованиями, предъявляемыми на практике при проведении аналитических исследований.

«Университетский проект» можно рассматривать как реакцию на запрос аналитического сообщества, связанный с дефицитом квалифицированных кадров, и инструмент, снижающий издержки «выращивания» новых сотрудников для аналитических центров. Дело в том, что появление в АЦ любого молодого сотрудника не только связано с затратами времени для его старших экспертов, помогающих ему «войти в профессию», но также с необходимостью выплаты ему заработной платы. Стипендии АНЦЭА снимали часть такого рода затрат с АЦ – тем самым расширяя для них возможности привлечения новых кадров. Одновременно такая схема (с временной занятостью в рамках конкретного проекта) выступала в качестве «фильтра», позволявшего отобрать среди стажеров более подготовленных и более мотивированных молодых исследователей-аналитиков, которые в дальнейшем уже могли быть приглашены на постоянную работу.

За прошедшие годы был отработан весьма удачный дизайн «Университетского проекта», основывающийся на механизме «двойного конкурентного отбора». Сначала студенты, прослушав презентации заинтересованных центров и посмотрев их сайты, могли выбрать для себя до двух центров, в которых они хотели бы пройти стажировку. А затем уже представители центров проводили интервью со студентами и отби-

рали тех, кто их устраивает. Выплата стипендий была организована по этапам – с учетом оценки текущих результатов работы студентов-стажеров со стороны соответствующих центров.

В период с 2007 по 2013 г. в проекте ежегодно участвовали 70–90 студентов, получавших возможность поработать от 4 до 7 месяцев в аналитических центрах разного профиля. При этом «спрос» со стороны студентов на участие в проекте в последние годы примерно в 2 раза превышал фактическое число мест, предоставляемых аналитическими центрами.

Следует подчеркнуть, что все студенты, участвовавшие в программе, получали навыки аналитической работы и проведения исследований в реальных условиях, полезные для дальнейшей профессиональной деятельности. В этом смысле проект способствовал развитию кооперации с ведущими вузами – в лице МГУ и ВШЭ, а также ряда региональных университетов.

В числе других направлений деятельности АНЦЭА можно отметить взаимодействие с разнообразными медийными площадками для распространения взглядов независимых экспертов. В частности, колонки экспертов АНЦЭА на регулярной основе выходили в «Московских новостях» и на Forbes.ru. В 2011 г. ассоциацией были учреждены Медаль АНЦЭА «За заслуги в экономическом анализе» и премия «Новое поколение», направленные на расширение публичного признания личного вклада отдельных российских экономистов в развитие экономического анализа в России, а также на поощрение исследований молодых экспертов.

Таблица 6 отражает отношение аналитических центров к разным направлениям деятельности АНЦЭА в 2012–2013 гг. и 2015 г. Как можно видеть, в обоих случаях четыре наиболее значимых вида деятельности – это ежегодные конференции, «Университетский проект», диспут-клуб и распространение информации о деятельности центров. При этом «Университетский проект» был более важен для крупных центров.

К концу предыдущего десятилетия АНЦЭА достигла определенной «зрелости», выразившейся в повышении общего уровня доверия между ее членами, в улучшении координации их действий. Благодаря этому на базе АНЦЭА стали возможны коллективные действия по защите интересов аналитического сообщества. В этом отношении характерна деятельность АНЦЭА по выработке и продвижению профессиональных стандартов аналитической деятельности и борьбе с плагиатом. С целью

Таблица 6. Оценка важности проектов АНЦЭА членами ассоциации
(доля респондентов, признавших соответствующий проект важным
для развития их центров, % от числа ответивших)

	Опрос 2012–2013 гг.		Опрос 2015 г.	
	Небольшие центры, %	Крупные центры, %	Небольшие центры, %	Крупные центры, %
Ежегодные конференции	75	59	40	44
Университетский проект	38	77	30	50
Диспут-клуб	50	64	60	31
Формирование стандартов деятельности, борьба с плагиатом и другими недобросовестными практиками	44	50	20	19
Участие в оргкомитете Национальной премии по прикладной экономике	6	27	30	19
Распространение информации о деятельности центров, в том числе посредством сайта, бюллетеня	75	50	50	56
Серия публикаций в «Московских новостях» и на Forbes.ru	19	23	30	6
Защита корпоративных интересов аналитических центров (налогообложение, регистрация, и т.п.)	50	45	30	38
Кол-во респондентов	16	22	10	16

Источник: Данные обследований аналитических центров, проведенных в конце 2012 г. – начале 2013 г. и в начале 2015 г. НИУ ВШЭ и АНЦЭА.

ограничить недобросовестную конкуренцию в сфере экономических исследований АНЦЭА в 2011 г. выработала и приняла «Принципы проведения аналитических работ и представления их результатов»¹⁰ и «Критерии научного признания результатов прикладных экономических исследований»¹¹, легшие в основу работы Комитета по профессиональной этике АНЦЭА. Комитет рассмотрел ряд жалоб на некорректные заимствования и прямой плагиат и тем самым способствовал защите авторских

¹⁰ См. <<http://arett.ru/ru/about/committee/principles>>.

¹¹ См. <<http://arett.ru/ru/about/committee/criteria>>.

прав экспертов, работающих в центрах АНЦЭА. С учетом публичного характера данной деятельности можно полагать, что она также повлияла на изменение практик приемки отчетов по НИР и НИОКР. В частности, в последние годы в большинстве федеральных ведомств были введены процедуры проверки сдаваемых отчетов через систему «Антиплагиат». Это, в свою очередь, могло обусловить отмечавшийся в ходе нашего опроса в 2015 г. прогресс с постепенным преодолением проблем, связанных с недобросовестной конкуренцией.

Важным проявлением публичных коллективных действий АНЦЭА стало Заявление экономистов-исследователей в связи с проверками НКО на предмет соблюдения законодательства об «иностранных агентах», подписанное 55 ведущими экспертами в мае 2013 г., а также коллективная статья «Экспертное сообщество: Странные агенты», вышедшая тогда же в газете «Ведомости».

Рассматривая развитие АНЦЭА в более широком сравнительном контексте, можно отметить, что процессы самоорганизации в секторе экономической аналитики в РФ имели много сходства с формированием отраслевых бизнес-ассоциаций. Как было показано в ряде предшествующих исследований, создание отраслевых ассоциаций часто инициируют успешные средние фирмы [Яковлев, Зудин, Голикова, 2011; Яковлев, Говорун, 2011]. Дело в том, что лидерам рынка проще решать свои проблемы (прежде всего, связанные с характером государственного регулирования) через прямое взаимодействие с государством. Средние и мелкие участники рынка обычно не имеют такого политического ресурса. Вместе с тем средние по размеру игроки имеют преимущества перед малыми организациями с точки зрения возможностей для координации своих действий. Во-первых, им проще договориться друг с другом (так как их не так много). Во-вторых, в силу относительной устойчивости, достигнутой этими организациями, их руководители могут позволить себе тратить определенную часть своего времени на «общественную активность» – в виде участия в работе ассоциации. Таким образом, средние по размеру организации потенциально имеют относительно больше стимулов к коллективным действиям.

Однако для реализации этого потенциала нужен ряд условий. В частности, Р. Донер и Б. Шнайдер применительно к анализу активности успешных бизнес-ассоциаций в развивающихся странах отмечают, что предпринимательские объединения, способные выполнять общественно-полезные функции (а не просто заниматься групповым лоббированием),

обычно сталкивались с более сильным конкурентным давлением, которое вынуждало игроков в отрасли к стратегическим коллективным действиям [Doner, Schneider, 2000]. Также эффективные ассоциации должны обладать достаточной «институциональной мощностью», которая опирается на широкий охват фирм в секторе, способность ассоциаций адекватно выражать интересы своих членов, наличие квалифицированного и компетентного аппарата. Однако институциональная мощность работающих ассоциаций во многом является производной от наличия у отдельных предприятий «селективных стимулов» к участию в работе ассоциаций – такие стимулы, как правило, ассоциации могут предоставить своим членам в силу определенных полномочий, делегированных им со стороны государства. «Селективные стимулы» повышают статус ассоциации, позволяют обеспечить относительную массовость и разнообразие ее членской базы¹², создают больше ответных стимулов для членов ассоциации активно участвовать в ее работе. В качестве таких «селективных стимулов» может выступать доступ (через ассоциацию) предприятий-членов к участию в международных торговых переговорах, влияние на нормативно-правовое регулирование в секторе и формирование отраслевых стандартов, использование площадок конкретных ассоциаций для распределения контрактов на государственные заказы, доступ к системе переподготовки кадров и т.д.

Проводя аналогии с развитием рынка экономической аналитики, можно отметить, что центры – участники АНЦЭА в 2000-е годы стали сталкиваться с более сильным конкурентным давлением – как со стороны лидеров рынка в лице НИУ ВШЭ и РАНХиГС, так и с конкуренцией (по цене и по качеству) со стороны мелких игроков. Наиболее явным этот процесс стал на фоне ужесточения бюджетных ограничений после кризиса 2008–2009 гг. При этом Программу МОНФ в известном смысле можно рассматривать как механизм предоставления «селективных стимулов» в логике Р. Донера и Б. Шнайдера. В дальнейшем такую роль выполняли пожертвования Оксфордского российского фонда, которые выделялись для реализации «Университетского проекта», но одновременно позволяли поддерживать текущую деятельность Ассоциации.

---

¹² В работе [Pyle, Solanko, 2013] подчеркивается важность разнообразия членской базы ассоциации для ее возможности выработать взвешенную стратегию (а не просто лоббирование узкогрупповых интересов), учитывающую несовпадение интересов различных групп предприятий.

Политические изменения последних двух лет создали ограничения для деятельности АНЦЭА – многие аналитические центры, входящие в состав Ассоциации и действующие в правовой форме НКО, а также сама Ассоциация стали объектом проверок прокуратуры по закону об «иностранных агентах». Одним из следствий этого явилась приостановка «Университетского проекта» и относительное сокращение активности АНЦЭА по другим направлениям¹³. В результате сегодня дальнейшая деятельность Ассоциации и тесно связанное с этим институциональное развитие сектора российской экономической аналитики во многом зависят от того, в какой мере будут найдены аналогичные российские ресурсы для поддержки деятельности АНЦЭА.

5. Заключение

Сегодняшний экономический кризис в России – еще одно подтверждение того, что экономическая модель, сложившаяся после дефолта 1998 г., больше не работает. Неадекватность этой модели стала очевидна в момент кризиса 2008–2009 гг. После этого были предприняты по крайней мере две попытки предложить новый подход к стимулированию экономического роста: а) либеральная модель в уточненной версии «Стратегии-2020» и б) модель мобилизационной экономики на волне ухудшения отношений с Западом и в особенности в контексте текущего внешнеполитического конфликта вокруг событий на Украине. Ни в том, ни в другом случае, по нашему мнению, не был достигнут консенсус между ключевыми элитными группами и страна остается на развилке в выборе модели экономического развития.

В этих условиях объективно возрастает роль национального сектора независимой аналитики, способного обеспечить объективный анализ принимаемых экономических решений. В сравнении с другими странами с переходной экономикой у России тут есть своя специфика. В Восточной Европе после вступления соответствующих стран в ЕС объективно сузилось поле для независимой экономической политики на национальном

---

¹³ Эта тенденция нашла свое отражение и в данных табл. 6. Если в опросе 2012–2013 гг. респонденты в среднем выделяли в качестве значимых порядка четырех направлений деятельности АНЦЭА, то в 2015 г. этот показатель опустился ниже 3 (2,9 для небольших центров и 2,6 для крупных).

уровне, и интересы местных игроков заметно сместились в сторону лучшего понимания, использования и воздействия на политику, вырабатываемую в Брюсселе. Тот факт, что в экономике стран – новых членов ЕС доминирующие позиции сегодня занимают иностранные инвесторы, также сужает спрос на услуги и продукты местных аналитических центров. В России фактором сохранения и развития сильного национального аналитического сектора стало наличие мощного сектора крупных национальных компаний, руководство которых активно пытается влиять на формирование экономической политики, и произошедшее в 2000-е «восстановление государства», которое нуждается в текущем аналитическом сопровождении своей деятельности. При этом неопределенность с выбором долгосрочной стратегии и модели развития страны также предопределяет наличие неудовлетворенного спроса на аналитику и экспертизу.

В целом российский опыт наглядно подтверждает, что наличие в стране сильного аналитического сектора – это общественное благо, дающее возможность потенциальным потребителям (в лице власти, бизнеса и общества) получать профессиональную экспертизу решений в сфере экономической политики. И наоборот, отсутствие в стране профессионального аналитического сообщества приводит к дополнительным рискам и издержкам реформ (как это было в последний период существования СССР). Однако уровень и качество аналитики зависят не только от усилий отдельных центров, но также и от состояния отраслевой инфраструктуры – профессиональных стандартов, системы воспроизводства кадров, наличия адекватной информационной среды, площадок для квалифицированной дискуссии.

Решение именно этих задач в последние годы брала на себя АНЦЭА и сравнительно успешное развитие сектора экономической аналитики в России, по нашему мнению, во многом стало возможным благодаря деятельности Ассоциации. Причем соответствующие инициативы по развитию сектора преимущественно исходили от представителей самого экспертно-аналитического сообщества. Вместе с тем дальнейшее развитие сектора, по нашему мнению, будет все больше зависеть не только от действий экспертного сообщества, но и от позиции и активности «стейкхолдеров» данного сектора. Кто выступает в качестве таких стейкхолдеров?

С одной стороны, это безусловно федеральное правительство (которое в последние годы являлось основным заказчиком экспертизы). Однако в рамках сложившейся модели федеральные власти все больше ограни-

чивают себя работой с «лидерами рынка». Кроме того, на фоне отсутствия у российского правительства реальной стратегии экономического развития и противоречивости текущей экономической политики от федеральных властей вряд ли следует ожидать целенаправленных действий по поддержке аналитического сектора.

Поэтому стоит обратить внимание на потенциал других реальных и возможных стейкхолдеров. В их число, по нашему мнению, входят:

- Региональные власти – нуждающиеся в компетентной экспертизе принимаемых ими решений, а также заинтересованные в становлении и развитии собственных аналитических центров. Здесь можно было бы обсуждать реализацию своего рода регионального варианта первоначальной программы МОНФ – с грантовой поддержкой на конкурсной основе партнерских проектов между столичными и региональными аналитическими центрами.
- Университеты – заинтересованные в повышении качества подготовки студентов (как будущих аналитиков для власти и бизнеса), а также в развитии собственных аналитических компетенций. В частности, именно на базе сильных региональных университетов имело бы смысл развивать региональные аналитические центры.
- Бизнес (прежде всего, предпринимательские объединения) – заинтересованный как в лучшем понимании экономической ситуации, так и в выработке адекватных решений в сфере экономической политики с эффективным экспертно-аналитическим сопровождением реализации таких решений.

Вместе с тем инициатива самой АНЦЭА и входящих в нее ведущих аналитических центров остается также существенным фактором развития сектора. По нашему мнению, в первую очередь здесь имело бы смысл говорить о предложении со стороны сектора новых публичных аналитических продуктов, значимых для широкого круга стейкхолдеров. В условиях, когда «лидеры аналитического рынка» оказались слишком тесно связаны с властью и не могут дистанцироваться от ее действий, одним из таких «значимых продуктов» могло бы стать профессиональное и прагматическое обсуждение на площадке АНЦЭА сценариев экономического развития – с вовлечением в этот процесс ключевых «стейкхолдеров» и с предложением новой модели развития, адекватной сложившимся экономическим и политическим реалиям России.

Литература

- Аузан А.А. (2005) Новые вызовы, или Что мы можем? // Ассоциация независимых центров экономического анализа. Москва. С. 4–5.
- Григорьев Л.М. (2004) Проблемы создания ассоциации профессиональных экономистов // Ассоциация независимых центров экономического анализа: итоги 2003, планы 2004. Москва. С. 5–7.
- Григорьев Л.М. (2005) Экспертное сообщество на новом этапе // Ассоциация независимых центров экономического анализа. Москва. С. 6–11.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. (2012) Институты-медиаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис. Вып. 4. С. 99–116.
- Яковлев А.А., Говорун А.В. (2011) Бизнес-ассоциации как инструмент взаимодействия между правительством и предпринимателями: результаты эмпирического анализа // Журнал Новой экономической ассоциации. № 9. С. 98–127.
- Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. (2011) Бизнес-ассоциации и их роль в процессах модернизации в России // Общественные науки и современность. № 3. С. 26–35.
- Abb P. (2013) China's Foreign Policy Think Tanks: Changing Roles and Structural Conditions. GIGA Working Papers No. 213, January (Hamburg).
- Avramov R. (2007) Think tanks in the world of applied economics. A comparative study in Eastern Europe. DIOSCURI Final Conference. Institute for Human Sciences, Vienna, April 20–22.
- Doner R., Schneider B.R. (2000) Business Associations and Economic Development: Why Some Associations Contribute More Than Others // Business and Politics. No. 2. P. 261–288.
- Krastev I. (2000) Post-Communist Think Tanks: Making and Faking Influence // Banking on Knowledge, the Genesis of the Global Development Network / D. Stone (ed.). Ch. 8. Routledge. L.; N.Y.
- Pyle W., Solanko L. (2013) The composition and interests of Russia's business lobbies: testing Olson's hypothesis of the "encompassing organization". Public Choice, 155. P. 19–41.
- Sandle M. (2004) Think Tanks, Post Communism and Democracy in Russia and Central and Eastern Europe // Think tank traditions: policy research and the politics

of ideas / D. Stone, A. Denham (eds). Ch. 8. Manchester University Press. P. 121–140.

Shai, Ming-Chen with Diane Stone. (2004) The Chinese tradition of policy research institutes // Think tank traditions: policy research and the politics of ideas / D. Stone, A. Denham (eds). Ch. 9. Manchester, N.Y.: Manchester University Press. P. 141–162.

Stone D. (1996) Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process. L.: Frank Cass.

Yakovlev, A., Freinkman, L., Zolotov, A.

Independent Economic Think Tanks in Russia: Evolution, Current Situation, and Influence on Policymaking [Text] : Working paper WP1/2015/03 / A.Yakovlev, L. Freinkman, A. Zolotov ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – (Series WP1 “Institutional Problems of Russian Economy”). – 40 p. (In Russian.)

The paper analyzes the current state and performance of Russia’s think tanks operating in the area of economic analysis. It identifies the main stages of development of this sector, which is new for the country, and the factors shaping its key characteristics. It is argued that overall economic think tanks in Russia have reached a stage of relative maturity, but at the same time the sector has been facing serious problems limiting its further development. The paper emphasizes that in the situation of economic crisis there should be a larger role for independent expertise in supporting development of new economic policies. However, the potential of Russian think tanks could be utilized effectively only if there is a change in the current composition of demand for expertise, to be driven by emergence of new stakeholders who are interested in quality policy research. To maintain professional standards and promote high quality of expertise, collective actions of think tanks themselves are equally important. The paper relies on the results of two surveys of Russian think tanks, undertaken in 2012–2013 and 2015, and also on the interviews with a group of their managers.

Keywords: think tanks, business associations, collective actions, independent expertise, Russia, economic policy analysis

JEL: H41, L84

Yakovlev Andrei, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); Association of Russian Economic Think Tanks (Moscow, Russia). Corresponding author, e-mail: ayakovlev@hse.ru.

Freinkman Lev, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Zolotov Anton, Association of Russian Economic Think Tanks (Moscow, Russia); Institute for National Projects (Moscow, Russia).

Препринт WP1/2015/03
Серия WP1
Институциональные проблемы российской экономики

Яковлев А.А., Фрейнкман Л.М., Золотов А.В.

**Сектор экономической аналитики в России:
этапы развития, текущее состояние,
влияние на выработку политики**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,3
Усл. печ. л. 2,2. Заказ № . Изд. № 1929

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»